

человеком умирающим от туберкулеза; он настоял, чтобы о моем покушении не составляли протокола. Месяца через полтора Бобровский умер. Это покушение прошло для меня безнаказанно.

Поместили меня в Горном Зерентуе в камере, бывшей мертвецкой, потому что эта камера была вполне изолирована от других арестантов.

По законам того времени приговоренным судом в каторжные работы на заводах, в случае, если они посылались в рудники, считалось семь месяцев за год. Женщины по закону могли быть приговариваемы только на заводы. Так как я была послана в рудники (хотя в рудниках мы не работали), то мне тоже считали семь месяцев за год. На протяжении моей каторги было четыре манифеста, которые сбавляли сроки всем уголовным и политическим каторжанам.

Первый манифест ко мне не был применен, по второму меня перевели из бессрочной в двадцатилетнюю. Но, так как за побег мне был надбавлен срок испытательной, который составляет часть всего срока и который вместе с прежним сроком превысил срок настоящий, то тюремное ведомство совершенно запуталось, как считать мой срок. Заведывавший в это время Нерчинской каторгой Томили, относившийся очень хорошо к политическим, решил, что я имею уже право на вольную команду. Я была выпущена из тюрьмы и отправлена в Кадау (одно из мест Нерчинской каторги) в вольную команду. Позже снова переведена в Горный Зерентуй, тоже в вольную команду. Живя вне стен тюрьмы, по ходатайству заведывавшего ремесленными классами горного училища Нерчинского завода, С. В. Девеля, который случайно познакомился со мною, я получила разрешение ездить в Нерчинский завод обучать учеников переплетному ремеслу. Там быстро у меня завязались знакомства, и я, в сотрудничестве с Девелем, организовала бесплатную публичную библиотеку и при ней склад дешевых народных книг Московского и Петербургского Обществ грамотности, с которыми мы завели сношения. Библиотека стала культурным центром Нерчинского завода.

Военный врач Бек, объезжая казачьи станицы, развозил книги нашего склада по Аргуни *).

Постепенно я перешла к пропаганде и распространению весьма немногочисленных нелегальных книг, которые мне удавалось получать. Во время восстания „кулаков“ в Китае русские войска были двинуты по направлению Китая. В Нерчинском заводе

оказался казачий батальон, среди которого я начала вести пропаганду; фельдшера завода были прикомандированы к войскам, не хватало медицинско-го персонала для местного населения, я предложила бесплатно работать в амбулатории в качестве фельдшерицы. Это дало мне возможность расширить круг моих знакомств. Окружной начальник, старик Савинский, мальчиком обучался разным предметам у сосланных в Нерчинский завод петрашевцев и сохранил к политическим большое уважение. На запрос читинского губернатора, не опасно ли оставлять меня в Нерчинском заводе при амбулатории, ответил: „Хотя Ковальская своих убеждений не изменила, но в Нерчинском заводе она не найдет для них почвы“ *).

В 1903 году окончился срок моей каторги. Пробыв 23 года в тюрьме и каторге, я была назначена в Якутскую область на поселение. Существовал закон или соглашение с другими государствами, по которому иностранных подданных, окончивших каторгу, высылали в их государство. За несколько лет до окончания моей каторги я вышла замуж за поляка, австрийского подданного, М. Маньковского, осужденного на каторгу по процессу польской партии „Пролетариат“.

Он обратился в департамент полиции с заявлением, что я, как австрийская подданная (по мужу), должна иметь право выехать вместе с ним в Австрию. После долгой переписки нас обоих выслали в Австрию без права въезда в Россию. За границей, в Женеве, я вступила в партию с.-р., но через месяц на конференции партии, бывшей подле Женевы на вилле Германс, вышла из партии, разойдясь с партией по вопросу программ *minimum* и *maximum*. Я признавала одну только программу *maximum*. Одновременно со мною там же выделилось несколько человек из партии по тому же вопросу. Мы образовали группу, которая стала издавать сначала „Дискуссионный листок“, имевший целью пропагандировать программу *maximum*. Затем выпустили номер газеты: „Коммуна“. Эта группа была одной из первых максималистских организаций. Я связалась с образовавшейся в России почти в то же время максималистской организацией.

В 1907 г. приехавшая из России максималистка Татьяна Леонтьева, поселившаяся в одном богатом отеле в Интерлакене, убила выстрелом из револьвера французского гражданина Мюллера, указанного ей кем-то, как русского министра Дурново. Кем было сделано это ложное указание, мне осталось неизвестным. По доносам рус-

*) Доктор Бек, открывший особую болезнь на Аргуни, которая названа была в медицине Бековской болезнью.

*) Этот документ находится в Ленинградском Историко-Революц. Архиве в деле „о Ковальской“.

ских агентов швейцарское правительство, считая меня организаторшей этого террористического акта (в действительности я сама узнала о нем *post factum*), дало распоряжение о моем аресте. Меня предупредили; я бежала в Париж. Спусти два месяца после суда над Леонтьевой я была арестована в Париже международной полицией. Парижская полиция дала знать швейцарскому правительству о моем аресте, прося выслать конвой на границу для принятия меня от французской полиции. Швейцария ответила, что во время процесса Леонтьевой выяснилась непричастность Ковальской к этому делу, а потому Ковальская может быть освобождена.

После моего освобождения мы несколько максималистов, организовали новую группу в Париже, которая стала издавать газету: „Трудовая Республика“.

1914 г. застал меня во Франции. Война была объявлена неожиданно. Французское правительство стало арестовывать всех германских и австрийских подданных и препровождать их в концентрационный лагерь. Так как я была арестована в Париже с австрийским паспортом, то мне пришлось перейти на нелегальное положение. Первое время мне пришлось скрываться, переезжая с одного места на другое; затем при содействии французских социалистов, знавших мое русское происхождение, удалось устроиться в полулегальном положении на юге Франции. После Февральской революции я с большим трудом, при помощи тоже французских социалистов, изменила свою фамилию Маньковской (по второму мужу) на прежнюю фамилию Ковальской и, таким образом, получила легальное положение. В 1917 г. через Англию и Норвегию вернулась в Россию незадолго перед Октябрьской революцией. Заболела. Оправившись после болезни, в 1918 г. поступила на службу в Историко-Революционную секцию Государственного Архива. Прослужив пять лет научным сотрудником, в 1923 г. переехала в Москву в дом ветеранов революции имени Ильича. В настоящее время состою членом редакц. коллегии журн. „Каторга и ссылка“.

Корнилова-Мороз, Александра Ивановна *).

Прадед мой, Вас. Сав. Корнилов, был крестьянином Ярослав. губ. Данил. уезда и долго жил в деревне, где сыновья его провели все свое детство. В котором году переселился дедушка с отцом и братом в Петерб., и когда начали они торговать загра-

ничным фарфором и др. изделиями из стекла и хрусталя, сказать не могу. Фирма „Братьев Корниловых“ была основана в 1791 г. Савином Вас. и его братом, Вас. Вас. С. В. был человек мягкий и добрый, но страдал запоем. Он был старообрядцем, и память об этом долго сохранялась в нашем доме. В комнатах было много старинных икон с темными ликами в богатых серебр. ризах. Дедушка умер рано, оставив дела довольно запутанными. Бабушка, Марья Васильевна, осталась вдовой, имея 5 сыновей и 4 дочерей, при чем старшему было 19 л., а младшая дочь, кот. была 13-м ребенком, родилась после смерти отца. По русскому обычаю М. В. стала во главе торгового дела. Отличаясь природным умом и твердым характером, она, очевидно, принадлежала к тому типу русских женщин, которые поражают своим умением самостоятельно вести торговые и промышленные дела. Жила бабушка по старым устоям, строго соблюдала все посты, но в церковь детей часто не гоняла; в театры и по гостям не ходила и детей отпускать не любила; на удовольствия и наряды денег давала мало, — вообще, на все в личной жизни была скуповата. Но торговое дело вела М. В. с таким успехом, что собственный дом построила и на основание завода средств не пожалела. Дочерей своих она выдавала замуж по-старинному — через свах. Браки эти были не особенно счастливы: все 3 тетушки (4-ая умерла девицей), рано овдовевшие, остались без денег, полученных в приданое. С помощью братьев жили они очень скромно и считались у нас бедными. Давать детям образование бабушка не считала нужным, знали бы только читать, писать да считать насколько необходимо торговому человеку. Только младший сын кончил курс в училище, и младшая дочь обучалась в пансионе. Но вместо образования бабушка сама сумела дать детям строгое воспитание и приучить 4-х сыновей к делу, так что они не имели ничего общего с купеческими сыновьями, прославившимися своим невежеством и безобразным разгулом. После смерти бабушки в 1850 г. сыновья ее продолжали вести дело сообща. Разделились они только в 1869 г. без всякого шума и вражды. Только младший брат, Яков С., не принимал участия в торговле. Отличаясь любовью к рисованию, после смерти матери Я. С. упрямил старших братьев разрешить ему поступить в Акад. Художеств. Окончив курс, Я. С. долго жил в Италии, ездил в Париж и др. города Европы, вел знакомство с художниками и артистами и за свои картины получил звание классного художника.

Мать моя, Татьяна Васильевна, ур. Самсонова — красивая брюнетка с карими глазами — была добрая, но вспыльчи-

* *) Автобиография написана 8/III—1926 г. в г. Боровичах (Новгор. г.).

вая женщина. Рассердившись из-за пу-
стыков, она не на шутку принималась
шлепать детей своих. Особенно достава-
лось единственному ее сыну, Саше, ко-
торый стал бояться матери. На младших
детей мамаша мало обращала внимания,—
для новорожденных нанимали кормилицы,
затем их отдавали на попечение нянюшки,
к которой после старшей постепенно пере-
ходили и следующие. Младшие дети с ня-
нюшкой, поднянкой и кормилицей поме-
щались в двух теплых, но низеньких, в одно
окно комнатах „на верхушке“, рядом с
огромным чердаком. Комнаты эти, носив-
шие название „детской“, были самыми худ-
шими в доме, но оттуда плач малых детей
не беспокоил старших, да и вообще в те
времена о кубатуре содержания воздуха
никто не беспокоился. Старшие дети пере-
ходили в ведение гувернантки и жили в
одном этаже с родителями. После 10 лет
супружеской жизни, произведя на свет
6 дочерей и сына, мать моя заразилась хо-
лерой и скончалась 15 мая 1853 г. Тогда
весь дом остался без хозяйки, и отцу пред-
стояла задача воспитать семерых детей, из
которых старшей не было еще 10 л., а мне
всего 6 недель от рожд. (3 апр. 53 г.).
Родственники обоего пола приставали к
отцу с советами, что ему необходимо же-
ниться, но он отвечал, что не хочет сделать
несчастными семерых своих детей. Т. обр.,
и остались жить два вдовца—старший брат,
П. С., и мой отец, Ив. С.—с детьми, приказчи-
ками и прислугой. Жили они в своем доме
на углу Николаевской ул. и Кузнечного пер.
Весь двух-этажный дом, с конюшнями, са-
раями и помещением над ними из 3 ком-
нат для кухни и прислуги, занимали сами
хозяева,—отдавались в наем только полу-
подвальн. торгов. помещения. Всеми закуп-
ками для хозяйства и стола хозяев, при-
казчиков и прислуги заведывал старший
приказчик; заказывать кушанья, выдавать
провизию и разливать чай поручили гувер-
нантке. И она и нянюшка жили в доме уже
давно, и все шло по прежнему установлен-
ному порядку.

Купечество того времени подразделялось
на „образованное“ и „простое“, или „серое“.
В Гостинном дворе преобладали „образо-
ванные“, а вторые имели лавки в др. рын-
ках или вообще вели такого рода торговлю,
где меньше приходилось сталкиваться с так
наз. „чистой публикой“. Фарфор „Бр. Кор-
ниловых“ имел обширный круг покупателей
среди богатых классов; кроме того, фирма
была поставщицей двора и получала заказы
для телеграфа и др. учреждений. И обра-
зом жизни и внешним своим видом „обра-
зованное“ купечество резко отличалось от
тех типов, кот. так ярко и правдиво изо-
бражены в произведениях Островского.
Не получив школьного образования, сыно-

вья бабушки самостоятельно нарушили ус-
той старины и сделались людьми культур-
ными. Особенно важно было то, что они
признали необходимость образования для
всех детей без различия пола. Спустя 2 г.
после смерти матери отец отдал в Елиса-
ветинский институт двух старших дочерей.
В детском возрасте нам приходилось видеть отца
только по праздникам: рано утром уходил
он в лавку и оставался там целый день, а
вечер проводил в Купеч. клубе, где до
поздней ночи играл в преферанс или бостон.
Отец отличался замечат. деликатностью и
отзывчивостью. Помогал он нуждающимся
щедро и охотно, тихо и незаметно. Я росла
под надзором няни. Это была добрая по-
жилая женщина, степенная и спокойная.
Пока сестры мои—Вера, Надя и Любушка—
были малы, мы помещались и проводили
почти все время в „детской“. В парад-
ных же комнатах—в зале и гостиной, где
стояла чинно расставленная по стенам ста-
ринная мебель—бегать и шуметь не позво-
лялось. Были у нас куклы и др. игрушки,
но вовсе не дорогие. Одевали нас очень
просто и совсем не приучали заниматься
собою и своими нарядами. Благодаря отсут-
ствию хозяйки, званых вечеров и гостей
совсем не было; по праздникам бывали
только сестры отца с детьми, дядюшка Я. С.,
да 1—2 из обычных партнеров для игры в
карты. Вообще жизнь в богатом купеческом
доме отца отличалась большой умерен-
ностью.

Образованием нашим с 7-летн. возраста
занималась гувернантка; характера она была
кроткого, безусловного послушания не тре-
бовала, наказаниями не злоупотребляла и
не угнетала нас постоянн. надзором; при
всей скудости своего образования она раз-
вивала наши способности, заставляя, напр.,
читать и рассказывать „Слуги желудка“
Массе и популярные статьи по естественной
истории. В общем подготовка наша и раз-
витие при поступлении в учебные заведе-
ния были вполне удовлетворительны. Ре-
лигиозное воспитание ограничивалось ис-
полнением обрядов и соблюдением постов.
С выходом старшей сестры из института
нашим любимым удовольствием скоро де-
лалось посещение театров, по 2, а иногда
и 3 раза в неделю. В Александринском те-
атре мы пересмотрели весь репертуар Ост-
ровского. Пьесы его вызывали в нас
сознательное отрицание того строя, где
царит самодурство Тит Титычей и Кабаних.
Драмы Шиллера и Шекспира, подвиги
В. Телля и Султана развивали поклонение
героизму и смутное стремление к самопо-
жертвованию, ради идеи долга и любви к
родине.

Особенно тесной дружбой я была связана
с сестрой Любушкой. Много горьких слез
было пролито нами осенью 1863 г., когда

ее тоже отдали в институт. Летом 1864 г. я с грустью думала, что настает мой черед подчиниться инст. муштровке. Но, к счастью, отец решил отдать меня в Марининск. женск. гимн. Директором был тогда основатель жен. гимназий—Николай Алексеевич Вышнеградский. Горячо преданный своему делу, чуждый чиновничества и формализма, отличающийся широким умом и любовью к детям, он обладал всеми качествами истинного педагога. Дух свободного воспитания был заметен с первых же шагов и поразил мою гуверн., привыкшую иметь дело с инст. порядками. Благодаря моей подготовке, я поступила в 5-й класс. В скором времени я сделалась первой ученицей и приобрела расположение Вышн.-го. В отсутствие преподавателей Н. А. сам занимался с классом, изучая способности учениц по разл. предметам и неуклонно преследуя всякую зубрежку. Мои успехи в гимназии вызывали у меня стремление к самостоятельности, желание освободиться от опеки гувернантки. В гимназии я долго не имела близкой подруги. Только в конце года подружилась с Ольгой Дылевой. У нее тоже не было матери, но она потеряла ее недавно; с восторгом и горечью рассказывала она мне, каким светлым лучом была мать в темном царстве их семейной жизни, как стойко боролась она с самодуром дедушкой, при полном равнодушии отца—ее мужа—за необходимость дать девочкам образование и самой поступить на педагогические курсы.

Развитию моему много содействовал брат Саша, студент естеств. фак. Учился он в Peter-Schule на полном пансионе и жил дома только во время каникул. За 3—4 месяца до окончания курса в училище вышла история: директор вздумал уволить Ив. Дм. Белова, имевшего сильное влияние на учеников. Несколько юношей, и брат в их числе, решили выйти из училища. Саша сказал об этом отцу и заявил, что будет сам готовиться к унив. экзамену. Отец пытался его отговорить, но не стал долго настаивать, находя, что Саша лучше может об этом судить, т. к. ему придется нести все последствия такого решения. Все лето брат усердно занимался, но осенью латинист срезал его на экзамене. Неудача эта, однако, не охладила энергии брата: весною брат успешно сдал все экзамены и сделался студентом, что было тогда дов. редким явлением среди купечества. Для сына-студента отец распорядился отвести 2 комнаты в первом этаже, которые были обставлены по-студенчески. Товарищи часто собирались у брата по вечерам, но на верх к нам не ходили—старшей сестре и кузинам студенческие интересы были чужды. Однако, брат имел сильное влияние на всех нас как своей беспощадной критикой всяких суе-

верий и предрассудков, так и личным своим примером,—так, вслед за ним, постепенно вся молодежь перестала поститься. Затем Саша первый начал выписывать журналы, покупал соч. Писарева, Добролюбова и др. На второй год своего студенчества по внешнему виду Саша сделался настоящим нигилистом,—летом ходил он в красной рубашке, с толстой дубиной в руках, а очки носил и раньше вследствие своей близорукости.

В конце 60-х и начале 70-х гг. костюм нигилиста имел особое значение. В движении того времени первенствующее значение имело стремление к полному освобождению личности от ига семьи, невежества, традиций и религиозных предрассудков. Нигилизм, как беспощадная борьба с нравами и понятиями крепостного строя, у людей искренних вызывал желание вести эту борьбу открыто и резко заявлять о своем разрыве со старыми формами жизни. Нигилист с своими длинными волосами, в широкополой шляпе и красной рубашке или в пледе не сливался с толпой, но ярко из нее выделялся. Так же смело выделялись и женщины своими стриженными волосами, синими очками и курением папирос. Внешность эта до такой степени раздражала общество, что на первых порах требовалось искренн. увлечение и немалая доля смелости, чтобы открыто заявить свое отречение от старого строя. Под влиянием брата-нигилиста Вера через год по выходе из института перестала интересоваться своим костюмом, обстригла волосы и не походила больше на девушку из богатой семьи. А я росла и развивалась под влиянием этих нравственных требований, и они оставили во мне следы на всю дальнейшую жизнь.

К сожалению, в гимназии я слишком мало уделяла труда и времени для занятий, учителя спрашивали только заданный урок, не требуя общего знания предмета, а посещение театров отнимало много времени. Поэтому существенным недостатком моего образования было то, что я не приобрела способности к систематическому и самостоятельному умственному труду и основательных знаний или начитанности не имела. Весною 1866 г. кончила курс сестра Вера, бывшая на 4 года старше меня, и осенью поступила на педагогические курсы, помещавшиеся в нашей гимназии. В то время во многих семьях это считалось не только лишним, но даже и „неприличным“. Скоро у Веры составилась тесный кружок знакомых, которые затем познакомились и со всей нашей семьей. Простота и отсутствие всякого церемониала в нашей жизни так хорошо действовали, что все чувствовали себя совсем запросто, точно у своих близких родных. Присутствие больного отца, с его добродушным лицом и улыбкой, никого не смущало, а ему оживленные разговоры

молодежи доставляли не мало развлечения. Чаще всех заходили к нам: Евг. Макарова и Над. Скворцова—первые женщины, принятые на государственную службу в контроль—и Ольга Шлейснер, прославившаяся впоследствии своей революционной деятельностью.

Зимой в гимназии был получен первый толчок для отрицательного отношения к распоряжениям власть имущих. От нашей француженки, м-те Буланже, мы узнали печальную новость, что Н. А. Вышнеградский ждет отставки. Ходили слухи, что начальство недовольно вольным духом гимназий и педагогических курсов, намерено изгнать преподавание естественных наук и подогнать гимназисток под инст. мерку. После Рождества Н. А., действительно, нас покинул. Гимназистки горячо прощались с ним и заранее были враждебно настроены против его преемника. Ив. Тер. Осинин имел вид, хотя добродушного, но франтоватого и недалекого чиновника. Вскоре своими напыщенными речами и мелкой мстительностью он вызвал общее презрение и ненависть. Мое отрицательное отношение к Осинину нисколько не смягчалось тем, что я лично пользовалась его благоволением. Мне удалось заслужить его удачным ответом на уроке педагогики, кот. он взялся преподавать в I классе. Под влиянием семьи и гимназии, от прежнего равнодушия к религии я постепенно переходила к атеизму, к православию же в частности, в лице его священнослужителей, стала чувствовать даже антипатию. Развитию этого чувства много способствовал наш законоучитель, о. Михайловский, явный фарисей (как его и прозвали гимназистки). Однако, когда брат схватил тяжелую форму тифа, и было трудно надеяться на благоприятный исход, я, стоя на коленях перед древней иконой, горячо молила бога спасти брата, умоляя простить меня за мое неверие и давая обещание сделаться верующей, если бог исполнит мою просьбу. Мольба моя осталась тщетной, и смерть брата окончательно удалила меня от религии и ее служителей.

По окончании выпускных экзаменов, на совете преподавателей, о. Михайловский настаивал, что меня следует лишить золотой медали, так как я неминуемо опозорю гимназию. Осинин за меня заступился, и медалью меня наградили. Одновременно со мною, в июне 1869 г. кончила курс и 17-летняя сестра Любушка.

Стремление женщин к образованию было в полном разгаре. По примеру Сусловой и Боковой многие уезжали за границу. Об открытии Высших Женских Курсов шли еще ходатайства. Весною 1869 г. были организованы первые женские курсы, получившие название Аларчинских, так как помещались в 5-й мужской гимназии у Аларчина мо-

ста. От 6 до 9 ч. вечера там читали известные педагоги: А. Н. Страннолюбский, А. Я. Герд, Д. В. Краевич, Рашевский, Фан-дер-Флит, Паульсон. Курсы эти ставили задачей дать женщинам более основательные знания в объеме курса мужских гимназий. Потребность этих знаний была так велика, что в числе слушательниц были учительницы и замужние женщины, было много кончивших в женской гимназии, институте и на педагогических курсах. Осенью 1869 г. три сестры мои и я поступили на эти курсы.

На лекциях Страннолюбского по алгебре выдавалась своими способностями небольшого роста, с мелкими чертами лица и большим лбом, гладко причесанная слушательница, которая в своем скромном коричневом платье с белым воротником казалась совсем девочкой-гимназисткой. Сидела она на первой скамейке всегда рядом с подружкой, значительно ее старшей; при обсуждении курсовых дел она так редко выступала, что очень немногие ее знали. Эта скромная и молчаливая девочка была 16-летняя Софья Львовна Перовская. До 1866 г. отец ее был гражданским губернатором Петербургской губернии, но после выстрела Каракозова был уволен. Тогда мать с двумя дочерьми уехала в имение Кильбурун, в 10 в. от Симферополя, принадлежавшее раньше деду—родному брату графов Перовских. Между тем средства к жизни были так ограничены, что от 13 до 16-летнего возраста Соне пришлось учиться самостоятельно и вести самый простой и замкнутый образ жизни. Летом уединенная жизнь их оживлялась на время каникул, когда приезжали учившиеся в Петербурге два старших брата, и устраивались больше всего любимые Соней поездки верхом по горам. В 1869 г. Кильбурун был продан, и явилась необходимость всей семье жить в Петербурге. Одаренная хорошими способностями и навыком к самостоятельному умственному труду, Соня горячо стремилась приняться за систематическое учение и потому с радостью покинула Крым. На пароходе до Одессы она разговорилась с молодой девушкой, которая тоже ехала учиться. Отличавшаяся своей сердечностью и способностью горячо увлекаться идеалами добра и правды, Анна Карловна Вильберг сразу полюбилась Соне и сделалась первым ее другом в Петербурге. Вместе поступили они и начали усердно заниматься на Аларчинских курсах.

В конце учебного года А. Я. Герд, читавший лекции неорганической химии, сообщил, что профессор лесного института А. Н. Энгельгардт предлагает четырем слушательницам поселиться в Лесном и заниматься качественным анализом в его лаборатории. Предложением этим воспользовались С. Л. Перовская, две сестры Перетц и я. Родители Сони